

Владислав **КРАПИВИН**

ПОЛОСАТЫЙ ЖИРАФ АЛИК

Сказки и были Безлюдных пространств

Владислав Крапивин

Полосатый жираф Алик

«наследники Крапивина»

1999

Крапивин В. П.

Полосатый жираф Алик / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина», 1999 — (Сказки и были Безлюдных пространств)

ISBN 5-93391-001-5

История про то, как несколько ребят после трагических случаев на Земле оказались жителями затерянного во вселенной Пояса астероидов. Как они стремились вернуться домой и для этого построили из потоков Мирового света парусный корабль...

ISBN 5-93391-001-5

© Крапивин В. П., 1999

© наследники Крапивина, 1999

Содержание

Трава для астероидов	5
1.	5
2.	7
3.	10
4.	12
5.	15
6.	18
7.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владислав Крапивин

Полосатый жираф Алик

Межзвездная повесть

Трава для астероидов

1.

Минька Порох посеял и вырастил на своей планете высокую траву. Понимаете, живую! Под названием «Венерин башмачок». Никто сперва не поверил...

Несмотря на грозную фамилию третьеклассник Минька был человек смирный. С белыми ресницами, с негромким голосом и незадиристым характером. Незаметный такой. Когда он учился в школе, порядков не нарушал, успехами в ученье тоже не блистал: в основном троечки, иногда четверки, а пятерки – лишь в самых редких случаях, да и то в основном по пению.

Впрочем, в своем третьем «Б» Минька проучился совсем недолго.

В начале сентября к ребятам прислали студентку. На практику. Она должна была вести уроки, как взаправдашняя учительница. И повела. На последнем уроке, на чтении, она сообщила, что «сейчас будем развивать фантазию», и велела всем ученикам придумывать сказку: один начинает, другой продолжает и так далее. У Миньки ничего не получилось. Он встал, хлопал белыми ресницами и молчал. Смотрел за окошко, где на сухом клене два воробья дрались с облезлой вороной.

Студентка билась, билась с Минькой, а потом не выдержала. Опыта и терпения у нее еще не было. И она высказалась:

– Да, такие, как этот мальчик, пороха не придумают.

А Минька, он хотя и скромный, но не совсем уж полный тихоня. Вздыхнул и возразил:

– А чего меня придумывать, если я и так есть...

Класс, конечно, развеселился. А студентка еще не знала Минькиной фамилии и решила, что он сказал какую-то неприличность. И выгнала Миньку с урока. И даже рюкзачок с учебниками взять с собой не дала, заявила, как настоящая учительница:

– Придешь за ним вместе с родителями, я хочу с ними поговорить!

Минька пожал плечами и пошел. Обидно было, но родителей он не опасался: у них был характер вроде Минькиного.

Школа стояла в Корнеевском тупике, за которым раскинулся пустырь с остатками старых разобранных домов. Он весь зарос высоченными (выше Миньки) травами, которых всегда много на окраинах: полынью, бурьяном, белоцветом, репейником и всяким чертополохом. Почти все они стояли уже с семенами, особенно много было седых пушистых головок (вроде как Минькина родня). Но кое-где еще виднелись желтые и белые зонтики поздних соцветий. И отдельные, последние цветки венериного башмачка.

Венерин башмачок – это большое, не ниже репейника, растение. У него крепкие и голенастые, как ноги страусов, стебли. И острые листья. Вроде крапивных, только зубчики поменьше. А цветы замечательные! Они всяких красных оттенков – от бледно-розового до пунцового, и форма у них удивительная, вроде звериных мордашек с разинутым ртом. Похоже на луговой «Львиный зев», но тот гораздо мельче и желтый...

Взрослые говорили, что «Венерин башмачок» вообще-то комнатное растение, для подоконников, но, видимо, какая-то хозяйка выкинула полузасохший цветок на свалку, а он не

погиб и разросся по всем городским пустырям. Этим летом его сделалось не меньше, чем желтого осота и лилового иван-чая.

На пустыре обида вовсе оставила Миньку. Он шел среди зарослей, радовался поздним бабочкам и теплу. День-то стоял совсем летний. Разморенно пахло травяными соками. Кромки подсохших листьев и мелкие колючки покусывали Минькины локти и ноги, но не сильно – шутя и даже ласково. Минька понимал, что так прощается с ним лето. Шел в задумчивости.

Пустырь обрывался у заросшей ромашками канавы, за которой сразу, вплотную, – дорога. Касловское шоссе... Эх, Минька, Минька. Ему бы перейти канаву осторожно и глянуть налево: нет ли машин? А он в рассеянности сходу перемахнул кювет и по инерции – на проезжую часть. Ну и вот...

Ладно, об этом потом. Или лучше не надо совсем.

...В общем, так Минька и оказался здесь. С пухом сентябрьских растений в белобрых волосах, в мятом своем желто-зеленом костюмчике, похожем на бразильскую футбольную форму, в стареньких, стоптанных за лето кроссовках...

Вскоре оказалось, что фантазии у него и правда маловато. Не мог сперва ничего для себя придумать. Ну и что? Это уж у кого какие способности. Другие помогли ему обустроиться. Выбрали планетку, соорудили на ней похожий на голубятню домик – такой, как он просил («Если, конечно, можно...» – «Можно, можно! Тут всё можно. Хоть дворец...» – «Не-е, дворец не надо...»). Напридумывали ему кучу игрушек. Первое время старались не оставлять одного: чтобы не задумывался, не плакал по вечерам. И Минька прижился. Что ему оставалось-то?

А «Венерины башмачки» придумывать на планете Миньке и не пришлось. Однажды он вытряхивал из карманов мусор (давний, земной еще) и нащупал круглую крупинку. Пригляделся: а вдруг чье-то семечко?

На Минькином астероиде (этакая ноздреватая глыба диаметром сто метров) за миллионы лет накопилось немало космической пыли, она вполне могла сойти за почву. И вода была. Не придуманная, настоящая. Однажды Минька запнулся за камень, с досады ударил его пяткой, и вдруг из-под этого булыжника забил родничок.

Минька закопал семечко, полил его из пригоршни. Сел на корточки и стал ждать – как Буратино ждал деревца с золотыми монетками. Только Буратино ничего не дождался, а Минька... Он сидел, сидел, маялся от нетерпения, а потом догадался сжать время в тридцать раз. Это Минька уже умел, дело не хитрое. И вот из космической почвы полез росток. Раскинул, как ладошки, пару листиков, потом другую. Вытянулся, тронул макушкой подбородок Миньки. Выпустил первый пунцовый цветок.

Минька велел себе не волноваться, потому что сердце колотилось, как посаженная в коробку бабочка. Он встал, отряхнул с колен рыжую космическую пыль, оглянулся. Из черного космоса светили частые созвездия и мохнатые галактики... Приживется ли «башмачок» на каменном астероиде?

Минька напрягся изо всех сил и придумал над планеткой небесную голубизну. Пустил в нее горячее золотое солнышко. На это у него хватило фантазии! И венерин башмачок обрадованно раскидал вокруг созревшие семена...

Скоро вся громадная глыба покрылась зарослями с розовыми, алыми и даже вишневыми цветами. Минькина голубятня оказалась по пояс в листьях и цветущих макушках, несмотря на то, что стояла на сваях. И запахло жарким июлем.

Вот тогда наконец Минька пригласил соседей. До этого момента он их не пускал, говорил, что делает генеральную уборку. А теперь он высунулся из голубого небесного света по плечи и замахал руками.

– Идите сюда все! Скорее!

2.

Гости от удивления одинаково открыли рты. Ничего подобного в Поясе астероидов никто еще не видал. Молчали целую минуту. Наконец коричневый Локки облизал губы и спросил со своим «цекающим» акцентом:

– Ц-неужели ц-настоящие?

– Конечно, – скромно сказал Минька. – Придумать такое у меня бы пороку не хватило.

Гости стали осторожно трогать цветы и листья.

– Да не бойтесь. Можете гулять и бегать в чаще сколько хочется, – разрешил Минька. Он гордился в душе. – Это живучие растения. Даже если поломаете или сорвете, они быстро отрастут.

И тогда все начали бегать в высоченной траве, хохотали от радости, играли в прятки и в индейцев. Девочки – Алёнка и Сырая Веранда – воткнули цветы в волосы. Веранда сделалась даже немного красивой и перестала шмыгать носом.

Потом устали и собрались на бугристом каменном пригорке среди зарослей. Золотое Минькино солнышко быстро ходило по кругу и не пряталось за горизонт. На пригорке кружились тени.

– Ну, Минька, ты профессор ботаники, – сказал Голован.

Вообще-то его звали Максимом, но прозвище Голован подходило больше. Он был с крупной курчавой головой, скуластый, большеротый. Ходил босиком, в большущей тельняшке и желтых штанах, широких сверху и узких у щиколоток (такой покрой называется, кажется, «бананы»). Короче говоря, Голован был похож на охломонистого пацана с городской окраины. Но был он такой лишь снаружи. На самом деле он за свои неполные тринадцать лет успел прочесть две тыщи книг, участвовал в школьных изобретательских олимпиадах и любил беседовать на философские темы (только собеседников не хватало). Здесь он был самый авторитетный. Конечно, Миньку обрадовала похвала такого человека. Он потупился и начал скромно скрестить в затылке.

Но у каждого свой характер, и порой он проявляется как не надо. Неумытый Коптилка вытер под носом подолом замызанной майки, поддернул длинные полосатые трусы (они всегда сползали, где была сила тяжести) и авторитетно объявил:

– Все равно эта растительность не настоящая. Минька поднатужился и придумал.

– Нет же! Ты, Коптилка, это назло говоришь! – вступился Кирилка Санин – Минькин ровесник и справедливый человек. Он всегда раньше других выступал за правду.

Коптилка заправил майку и, глядя поверх голов, повторил:

– Не настоящая.

Аленка тихо сказала:

– Коптилка, как тебе не стыдно. Ты же знаешь: придуманная трава не цветет.

– Если хорошо придумать, зацветет.

Он порой делался ужасно упрямый. Потому что жизнь его раньше была не сладкая. Сколько себя Коптилка помнил, жил он сперва в Доме малютки, потом в интернате для сирот. В первом классе ему повезло, нашлись бездетные муж и жена, усыновили мальчишку, да потом оказалось: не ради любви, а чтобы получить пособие и лишнюю комнату в квартире. Пили, скандалили, поколачивали приемного сынка Валерика. Впрочем, не сильно поколачивали, и он был все же рад, что есть дом и родители, хотя и не совсем настоящие. Но потом приемный папаша помер, а жена его, тетя Клава, с горя запила пуще прежнего, продала квартиру и скрылась неизвестно куда. А девятилетний Валерка подался в беспризорники. Куда ему еще было деваться?

Около года он с такими же приятелями болтался по чердакам и подвалам. То попрошайничал, то газеты продавал и мыл машины. В ту пору и получил он прозвище Коптилка.

Потом он попался, засадили его в детский приемник. Казалось бы, хуже не придумаешь, но тут улыбнулось наконец Коптилке счастье. Отыскала его незнакомая родственница, одинокая двоюродная тетка, добрая душа. Забрала к себе и рассказала, что Коптилкина мать жива, только далеко она, на севере, «мотает срок» за воровство. А в письмах сообщает, что сроку осталось немного и что она поумнела, хочет одного: чтобы, как выйдет на волю, отыскать сына, которого грудным младенцем, по молодости да по глупости сплвила в малышовый приют. Может быть, сын простит ее...

У тетки Коптилка прожил две самые счастливые недели – полный радостного ожидания. И однажды утром пошел на недалекую стройку – поискать среди разрытой сырой земли червяков для рыбалки. Там у съехавшей с рельсов вагонетки стояли двое в беретах, в сером камуфляже и с дубинками.

– Эй, пацан, чё тут шастаешь?

Коптилке, казалось бы, чего опасаться? Не беспризорник теперь, вполне законный человек. Но страх перед милицией сидел в нем с младенчества. Коптилка сперва обмер, а потом – бежать!

– А ну, стой, сямка! – И за спиной: топ, топ, топ!

Коптилка мчался через свалку, где кое-как был зарыт строительный мусор. И вот – ногой за проволоку, виском – о срез железной балки...

... – Нет, не настоящая, – опять сказал Коптилка. И сморщил губы, словно сплюнуть хотел (но не стал, конечно: кто же плюется на несвоей планете!).

На Коптилку зашумели, но Голован поднял руку:

– Каждый может думать, как хочет. Это называется: у всякого своя истина. Только истину надо доказывать делом. Ну-ка, придумай, Коптилка, такие же цветы.

Коптилка помигал и хмыкнул:

– Я же вредный. У меня всякие лютики-малютики не получаются. А живую крапиву могу, будет кусаться пуще правдашной.

– Придуманная не кусается, – сказал Кирилка.

– А моя будет.

– Делай, – сказал Голован.

– А вы разойдитесь пошире.

Коптилка набрал воздуха, уставился кофейными глазами в центр пригорка, вытянул растопыренные немые пальцы. Забормотал. Присел немного... И прямо на камнях вскинулась крапивная чаща. Такая жгучая на вид, что все попятились. А голый Локки даже запританцовывал и начал чесать бока, будто уже побывал в ядовитой зелени.

– Ага, испугались! – Коптилка сделал из воздуха механическую птичку с радужными перьями и пустил в гущу зубчатых листьев, она там затрепыхалась. – Кто достанет? Бойтесь?

– Никто не боится! – Кирилка Санин шагнул вперед, сунул голую до локтя руку в крапиву. – Ой, мама!..

Он выдернул руку – она в мелких волдырях.

Все примолкли. Потеряно и виновато. Кирилкины честные глаза сделались мокрыми. Аленка подскочила и принялась тереть ему руку, прогоняла боль.

Больше всех был растерян сам Коптилка.

– Кирпичик, ну ты чего... Я не знал, что так будет... Я просто попугать хотел.

На него и не смотрели. Не в Коптилке дело. И не в Кирилкином ожоге – он ведь на пару секунд. Всех смутил (даже придавил будто) Кирилкин вскрик.

Кирилка и сам это понял. И теперь стоял с опущенной головой, все тер, тер свою руку, хотя она, конечно, уже не болела.

Он, Кирилка Санин, нарушил запрет. Хотя нет, запретов здесь не было никаких. Но было неписаное правило. Называлось оно «Обратной дороги нет». А раз ее нет, незачем и вспоминать о том, что было раньше. И уж особенно нельзя говорить *это* слово. Иначе опять навалится Серая Печаль – такая, что не продохнуть. Она, как болезнь, поползет от одного к другому и будет тянуться долго-долго, как ни сжимай время...

Неумытый Коптилка покаянно вздохнул, дунул на радужную птичку, и она с металлическим щебетом умчалась в синеву. Коптилка сказал опять:

– Ну чё, пацаны, я же правда не хотел...

Чтобы разбить общее смущение, Голован шумно заговорил:

– Да не ты это, не ты! Это наверняка Рыкко Аккабалдо подстроил, змея такая! Наверно, подслушивал нас и поймал момент, сунул в придуманную травку свою ядовитость. Это вполне в его стиле...

– Рыкко? Ну, ладно! – Коптилка подскочил, кувыркнулся назад и умчался вслед за птичкой. Все решили – это он от виноватости. Попереживает на своей похожей на измятую грушу планете и потом появится как ни в чем не бывало.

Крапива стремительно увядала. Падала и сразу исчезала.

Конопатая Аленка поправила в волосах цветок и тихонько спросила:

– Хотите вареников с вишнями? Я научилась придумывать такие, что они два дня не исчезают. И по правде перевариваются в животе.

Все обрадованно зашумели, что «конечно хотим!» (Глядишь, Серая Печаль и не подкрадется).

– Пошли в мою голубятню, – позвал Минька. И все опять обрадовались: не хотелось покидать планету с венериными башмачками и синевой.

В голубятне светились солнечные щели. Желтые полосы от них кружились на полу. Музыкант Доня Маккейчик тут же придумал овальный стол с узорами и точеными ножками (как у рояля). И такие же стулья – на каждого.

Полное имя у Дони было такое, что сразу и не запомнишь – Ардональд. Но не думайте, что он какой-то иностранец. Раньше он жил в Подмсокове и ходил там в музыкальную школу, в класс аккордеона. А сюда попал Доня из больницы, где его пытались вылечить от внезапно открывшейся лейкемии...

Донины стол и стулья все шумно одобрили.

– Ты оставь их мне насовсем, – попросил Минька.

– Пожалуйста. Но это ведь не надолго, они из дерева...

Дерево – органический материал, придуманные из него вещи долго не держатся, рассыпаются на атомы. Другое дело – металлы, стекло, камень. Они – навечно. Впрочем, если дерево придумано очень старое, оно сохраняется длительный срок. Вон Минькина голубятня сколько времени стоит, и хоть бы хны. Хотя, с другой стороны, что такое *время* на Поясе астероидов...

На столе появились фаянсовые тарелки с рисунком из васильков, а потом такое же блюдо с варениками. Все весело задвигали стулья, начали устраиваться. Локки, прежде чем сесть, обезьянны прыгнул через спинку. Сырая Веранда глянула на него с привычным осуждением. Наверняка опять подумала: «Не может сделать себе какие-нибудь штаны...»

– Руки-то у всех чистые? – спросила Аленка. Это, конечно, смешно: здесь нет никаких микробов. Но все же правила надо соблюдать. Каждый сообщил, что руки у него чище некуда. Аленка не поверила и вздохнула:

– Тогда налегайте... – Перед каждым появились вилка и блюдце со сметаной. – Локки, подожди, я тебе положу.

– Побольше, ц-пожалуйста...

3.

Локки был худой и коричневый, будто вырезанный из куска сосновой коры. Черные волосы падали на уши сосульками. Лукавые глаза – как большущие ягоды-смородины. Губы толстые, нос башмаком.

Он все время ходил голышом. Девчонки сперва отворачивались и сопели от неловкости, а потом привыкли, будто так и надо. Сырая Веранда, правда, ворчала порой, но не от настоящего смущения, а по привычке. Чтобы угодить ей, Локки иногда мастерил себе юбочку из травы. Но трава быстро увядала и рассыпалась, а подновлять ее Локки забывал.

Он ведь гулял в таком виде не из вредности или нахальства, а по обычаю. В тех жарких местах, где Локки жил раньше, все пацаны и девчонки так ходили лет до десяти. А ему не было и восьми.

Непонятно, из какого давнего времени, из какого древнего народа он попал сюда. И главное – почему? Наверно, в пространствах случился какой-то гравито-магнитный и темпоральный сбой и Бесцветные Волны пошли не туда. Не к тем астероидам, что предназначены для детей народа Локки, а в иную грань Кристалла Вселенной. Великий Кристалл – он ведь полон всяких странностей, неведомых науке...

Кстати, настоящее имя Локки было такое, что куда там музыканту Ардональд! Коричневого пацаненка звали Цтинотакачтилокки-цдана. Попробуйте запомнить и сказать! Вот то-то...

Не думайте, что он из какого-то полудикого племени. У них там была могучая цивилизация. В городе, где Локки жил с родителями, с братьями и сестрами, населения было меньше миллиона. Каменные дома, храмы, всякие пирамиды, рынки, театры. И школы... Вот только обычаи там процветали зверские. Жрецы, которые командовали всей жизнью, то и дело заявляли, что для милости богов нужны человеческие жертвы. Обычно для таких жертв брали пленников или бедняков, которые задолжали богачам. Но случалось и по другому.

Однажды долго не было дождей, и жрецы спросили своих богов: чего те хотят? Потом бычьей кровью нарисовали поперек мостовой черту и решили: кто из прохожих первым ее перешагнет, того и отправят на жертвенник.

А жители-то ничего не знали! Тем более ребятишки! И беззаботный Цтинотакачтилокки-цдана вприпрыжку гнал по плитам звонкий бронзовый обруч – такие недавно появились в городе игрушки. И конечно – через черту...

Нет, жрецы не схватили мальчишку сразу. Проследили, где живет, а потом с бубнами и флейтами явились к его дому и объявили «волю богов».

Мама тут же упала без чувств. Отец – он был покрепче и чтит законы. Встал на колени и благодарил жрецов за великую честь, оказанную его сыну: мальчишке суждено спасти от засухи великий народ Цтаанатаиннакоа-ката... А Локки сперва ничего не понял. Даже интересно было, как его обрядили в яркие длиннополые одежды и под музыку водят по улицам, а люди воздевают руки и падают ниц. Но скоро он сообразил, что к чему, обмер от страха и попытался бежать из храмовой комнаты для почетных жертв. Но разве от жрецов скроешься!..

Наутро беднягу привели на площадь перед громадной ступенчатой пирамидой (чья вершина упиралась во владения Пернатых Владык). На площади, несмотря на солнечный свет, чадили сотни факелов. Гудели бубны. С Локки сняли парадные одежды (чтобы не запахнуть; глядишь, пригодятся для другого). Положили его, ревающего от ужаса, спиной на выпуклый камень-жертвенник, дядька в золоченом колпаке взял кривой бронзовый нож...

Локки так и попал на астероиды – с черно-красной квадратной дырой в груди, где не было сердца.

Конечно, скоро сердце выросло, рана закрылась, коричневый мальчишка повсхлипывал, пооглядывался и – как все – начал привыкать.

Скоро научился Локки языку, на котором говорили остальные. Пытался учить новых друзей своему, но только Голован и Доня усвоили несколько фраз. Остальные – никак. Потому что не язык, а какое-то сплошное «та-та-каканье» и «цеканье»...

Ну, Локки начал разговаривать на выученном языке и рассказал свою историю. Конечно, вы можете удивиться: как рассказал, если на астероидах не принято говорить о прошлом? Да, не принято, но иногда приходится. Если попадаешь сюда впервые. Должны же обитатели здешнего мира знать друг про друга: кто откуда?..

Локки с первых дней почти не скучал. Сначала он решил, что попал с жертвенного камня прямо в звездное жилище богов. А когда разобрался, что к чему, сильно тосковать было уже поздно. Хотя кто знает, может, и он потихоньку плакал иногда перед сном в своей хижине...

А сейчас Локки за обе щеки уплетал почти настоящие вареники и каждые полминуты просил еще. Его щеки были перемазаны вишнями и сметаной, он похлопывал по животу. Живот сделался выпуклым, как набитая коричневая сумка с кнопочным замком.

– В конце концов ты лопнешь, – пообещала Сырая Веранда голосом старинной гувернантки.

– Ну и ц-што ц-такого? Лопну и опять склеюсь... Аленка, ц-дай еще...

Однако новый вареник он проглотить не успел. По Вселенной разнесся яростный рев. По всем, даже самым глухим пространствам. От него закачались, как елочные игрушки, отдаленные галактики и зашаталась Минькина голубятня.

Все подскочили, а музыкальный Доня поморщился. Он терпеть не мог таких вот негармоничных звуков.

– Опять этот Рыкко...

Да, безусловно, это ревел «великий и непобедимый, грозный и безжалостный, черный и многолапый» Ужас Вселенной – Рыкко Аккабалдо.

Разумеется, в пространствах почти нет воздушных масс и обычные звуковые волны в них не проходят. Но зато хватает всяких других – магнитных, радио-космических, гравитационных, электрических и таких, у которых пока нет названий. Жители астероидов прекрасно слышали их – так же, как на Земле слышат обычные звуки. И вот, Рыкко Аккабалдо ревел на всех этих волнах, причем сквозь ярость пробивались жалобные нотки.

– Чегой-то со стариком не того, – сказал Голован, дожевывая вареник. – Азотную комету опять проглотил, что ли?

Но оказалось, что дело не в комете.

Скоро появился Коптилка и все стало ясно.

4.

Чумазый Коптилка светился удовольствием. Он молча набросился на вареники и жевал их с таким шумом, что у других чмокало в ушах.

– Рассказывай, – велел Голован. Все уже понимали, что вопли «великого и непобедимого» – результат каких-то Коптилкиных дел. (Кстати, приглушенные стоны и ворчание Рыкко все еще были слышны).

Коптилка дожевывал вареник и рассказал.

Вот что было. Когда он улетел с Минькиной планеты, то отправился не к себе, а на поиски Рыкко Аккабалдо. Найти «грозного и безжалостного» было нетрудно – тот улегся отдыхать и похрапывал так, что эхо отзывалось во всех пространствах.

Рыкко соорудил себе лежбище из пушистых магнитных полей и растянулся между галактикой Желтая Сквородка и туманностью Большой Омлет (это Голован придумал такие названия). Он любил принимать иногда громадные размеры, потому что страдал (опять же по словам Голована) манией величия. Не понимал «черный и многолапый», что это смешно и бесполезно. Ведь Вселенная-то бесконечна, в ней раздувайся хоть до каких размеров, все равно с Бесконечностью не сравнишься.

Перед ней, перед Бесконечностью, одинаковы микроб и самое громадное скопление галактик.

А может, Рыкко Аккабалдо хотел поразить своими размерами жителей астероидов? Но те умели вырастать до любых размеров не хуже Рыкко. Только редко делали это, не было смысла.

Но на этот раз Коптилка поднатужился и вырос – так, чтобы сделаться ростом хотя бы с одну из лап Рыкко. Лапы эти, похожие на черные человечесьи ступни, свисали с магнитного матраса по сотне с каждой стороны – как бахрома из пяток и пальцев. Дракониий хвост свисал тоже и терялся где-то в созвездии Три Обезьяны. Крокодилия пасть была открыта и при каждом похрапывании выпускала светящийся пар, похожий на ключья Млечного Пути. Лежал Рыкко кверху выпуклым пузом. Пуп его был похож на кратер погасшего вулкана. Рыкко любил, когда его пузо щекочит лучи ярких созвездий.

Коптилка выбрал неподалеку осколок твердого прозрачного пространства, умело смастерил из него большую выпуклую линзу и подобрался к Рыкко снизу (то есть со стороны свисающих лап). Линзой он сфокусировал свет полутора миллионов звезд. Когда их лучи рассеяны, они лишь щекочит. Но если собрать их вместе... Коптилка собрал и направил этот луч на одну из толстых черных пяток.

Тогда-то Вселенная и содрогнулась от рева...

Коптилка окончил свой рассказ и с видом скромного героя взялся за новую порцию вареников (они на блюде не убывали). Сперва раздался общий хохот. Даже Сырая Веранда улыбнулась. А Локки, тот взлетел на спинку стула, сделал стойку на руках и от восторга заболтал ногами. Но очень скоро хохот притих. Угас. Почему-то все странно примолкли. И Коптилка, зажав вареник в зубах, с удивлением вертел головой: что такое с друзьями?

А те смотрели виновато.

– М-да, Коптилка... – вздохнул наконец Голован. – Победителей, конечно, не судят, но...

– Что «но»? – Коптилка обиделся и положил надкушенный вареник на тарелку.

– Нехорошо как-то, – нерешительно сказала Аленка.

– Что нехорошо?! – взвинтился Коптилка. – А подпускать ядовитость в придуманную крапиву хорошо? Кириллка вон как... завопил...

Кириллка поднял серые честные глаза. И смущенные, и... твердые. Он так смотрел, если надеялся кого-то убедить в справедливости. А делал он это часто. Даже в ту минуту, когда к

ним в третий класс ворвался бандит и заорал, махая автоматом, что всех берет в заложники и пусть ему дадут самолет и миллион долларов, а пока не дадут – всем сидеть и не пикать, Кириллка попытался доказать правду: «Но послушайте, пожалуйста, мы-то здесь при чем? Ведь не мы же виноваты в ваших несчастьях. Ведь...» – «Ма-алчать!» – и псих нажал спуск.

Но это случилось давно. Нынешний же случай был, конечно, не страшный, а пустяковый. Однако Кириллка и теперь смотрел очень серьезно.

– Понимаешь, Валерик, это ведь *Рыкко* подсунил нам ядовитость. Потому что он *такой*. Но мы-то не такие. Зачем нам быть как он...

Коптиллка тяжело сопел. Его немые уши заметно порозовели.

Сырая Веранда сказала:

– А по-моему, так этому Рыкко и надо.

Аленка возразила:

– Но ведь он спал...

Музыкант Доня, который очень любил книжку «Три мушкетера», поддержал Аленку:

– Надо вступать в бой открыто, а не со спины. И не с пятки...

– Да, – сказал свое слово и Голован. – Крапивная ядовитость, это, конечно, «казус белли», то есть повод для войны. Но войну надо начинать с объявления.

– А он-то! – опять возмутился Коптиллка, но неуверенно. – Он-то разве нам объявлял?!

Минька Порох молчал и хлопал белыми ресницами. По правде говоря, ему нравилось то, что сделал находчивый Коптиллка. И зачем каждый раз объявлять этому коварному Рыкко войну, если она и так идет давным давно? И нападение со спины (и с пятки) на войне дело обычное и справедливое. Но... вот Кириллка сказал: «Мы-то *не такие*». И в его словах была какая-то более «справедливая справедливость».

А Локки сидел на спинке стула, как мартышка, и ничего не понимал. Его государство Цтаанатаиннакоа-ката и соседние страны никогда не объявляли войну своим врагам. Наоборот, считалось великой доблестью напасть на другой народ неожиданно, уничтожить врагов, пока те не успели взяться за мечи, а уцелевших обратить в рабов... Но, с другой стороны, Локки понимал: он в здешней компании самый маленький и не самый умный. Лучше помолчать.

Минька наконец пришел к определенному мнению:

– Ты, Коптиллка вообще-то молодец. Только надо было сначала крикнуть в пространство: «Ну, погоди, Рыкко, мы тебе это припомним! Берегись!» И тогда уж...

– Подумаешь, прижгли ящерице пятку, – буркнул Коптиллка. – Что мне теперь, колотиться башкой о самый большой астероид?

– Не надо колотиться, – сказал Кириллка. – Ты слетай опять к Рыкко да извинись.

– Че-во-о-о?! – Коптиллка вытаращил глаза.

– Вот тебе и «чего», – подвел итог Голован. – Кириллка прав. Извинись. Чтобы, так сказать, стабилизировать межзвездную обстановку и не нарушать гармонию Великого Кристалла.

– Ненормальные, да? – жалобно спросил Коптиллка.

– Не упрямясь, – сказал Доня Маккейчик. – Ты же всё понимаешь.

– Ничего я не понимаю! Привязались...

Но он уже понимал: никуда не денешься. А ребята понимали Коптиллку: конечно, извиняться всегда неловко, особенно перед врагом, которому прижег пятку.

– Что мне теперь? Канючить как перед завучем в интернате: «Простите, я больше не буду»? – В сердцах Коптиллка даже вспомнил прежнюю жизнь, но сейчас на это не обратили внимания.

– Можно использовать и другие выражения, – посоветовал Доня Маккейчик. – Не терять достоинства.

– Ага, не терять! Он обещал, что, если кого схватит, уши надерет!

Здесь наконец вмешался Локки:

– Как же он схватит? Надень скафандр из скользких полей!

Коптилка посопел:

– Будто не знаете. Когда извиняешься, скользкие поля не действуют... А еще он обещал взгреть своим хвостом. Помните, какой у него хвост...

Хвост помнили. Толстый и могучий в начале, он к концу сужался до толщины (вернее, до тонкости) обычного прута, и были на нем зубчики.

– Ты ведь можешь сделать *то место* нечувствительным, – посоветовал Минька.

– Да-а... а душу-то не сделаешь нечувствительной. На ней все равно останется рана. Душевная...

– Уж будто ты не извернешься, – сказал Голован. – Хватит тебе хныкать, извинись и дело с концом. Скажи, что мы, мол, все сожалеем...

– Я не сожалею, – вставила Сырая Веранда.

– Скажи: «Мы почти все сожалеем»...

Коптилке что делать? Против общества не попрешь. Можно, конечно, плюнуть и запереться в своем кирпичном, похожем на старую котельную доме на долго-долго, да только себе дороже. Глядишь, Серая Печаль тут как тут...

– Давят, понимаете, целым коллективом, – пробурчал Коптилка. – Все на одного. – И приготовился умчаться сквозь пространства для объяснений с «этой зловредной ящерицей».

– Постой, – велела Аленка. – Неприлично извиняться в таком виде.

– В каком еще виде!

– Стой, говорю... – Она сжала губы, сморщила конопатый нос, уперлась в Коптилку строгими глазами. У того исчезла с ушей космическая пыль и сажа. Волосы сделались как после парикмахерской. Полосатые трусы превратились в черные отглаженные брючки, а майка – в белую рубашку с синим галстучком. На босых ногах появились синие носки и плетеные сандаletки.

Коптилка глянул на себя со стороны как в зеркало, и содрогнулся:

– С ума сошла!

– Иди, иди, – тихо велела Аленка.

Голован хмыкнул и тоже сказал:

– Иди уж...

Коптилка плюнул с досады и улетел.

А в пространствах все еще было слышно, как постанывает и кряхтит «черный и многолапый» Рыкко Аккабалдо. Конечно, уже не от боли. Боль-то он слизнул и успокоил в одну секунду. Но обидно же...

5.

Рыкко Аккабалдо был странное существо. Вернее, «существо-вещество-естество» – так он сам называл себя. Существо – потому что живая мыслящая личность. Вещество – потому что он, Рыкко, состоял (по его словам) из всех веществ, которые только есть во Вселенной. А естество – это его натура, его характер. Какой именно характер – вы и сами уже поняли.

Рыкко Аккабалдо мог принимать любой облик – ну, прямо как людоед в сказке про Кота в сапогах. Мог превратиться в межпланетного оранжевого комара, а мог в гигантского осьминога или в змею длиною в сто пространств. Но больше всего он любил быть чудовищем, похожим на громадного крокодила с сотней лап, зубастой пастью и чешуйчатой спиной. На спине сквозь чешую торчали рога и зубья и росла кустами рыжая шерсть.

Голован говорил, что Рыкко, скорее всего обычный сторожевой дракон из пространства Черных Пирамид. Такие драконы там охраняют вход в спиральную воронку, ведущую в Абсолютное Ничто. Какое это пространство, зачем там непонятные пирамиды и что такое Абсолютное Ничто, Голован не знал. Когда-то, еще на Земле, он читал про такие вещи в книгах из серии «Загадки странных миров», но во всех загадках разобраться не успел. Однажды он с такой книжкой шел из библиотеки. Четверо «крутых» спросили, есть ли у него деньги. Денег не было. Четверо спихнули Голована с моста в речку Волчанку, в ледяную воду. Из речки Голован выбрался и даже раскисшую книжку не потерял. Но с навалившейся после этого простудой справиться не смог...

И теперь здесь, на астероидах, Голован часто рассуждал о разных космических проблемах.

Насчет Рыкко он «выдвинул гипотезу», что «этот тип» по вредности характера не ужился с другими драконами, и его выгнали из пространства Черных Пирамид.

– Или сам ушел в другие миры. Потому что индивидуалист. Отыскал во Вселенной такое пространство, где никого похожих на него нет, и объявил себя единственным и неповторимым...

В самом деле, Рыкко Аккабалдо заявлял не раз, что он единственное в Мироздании такое вот черное и бесконечно громадное существо-вещество-естество. Мало того! Он объявил себя носителем Мирового Зла.

– Потому что, – рычал он, – Зло так же необходимо, как Добро. Для равновесия Вселенной. Без такого равновесия она рассыплется и наступит конец света.

Тут он, разумеется, загибал. Как ни раздувайся, а для носителя Мирового Зла он был мелковат. Да и не в драконах Мировое Зло. Оно, к сожалению, рассеяно по всему свету (как и Добро, конечно), поэтому с ним так трудно бороться. А Рыкко... Он был, скорее, носителем Мелких Вредностей и Пакостей. Так ему однажды и сказал Доня Маккейчик.

Рыкко тогда ужасно разъярился, дотянулся хвостом до трех стеклянных мостов, которые Доня построил ради интереса и красоты между необитаемыми астероидами, и разнес их вдребзги. Доня в ответ на ту выходку пожал плечами. Сказал, что придумает мосты лучше прежних и окружит их таким защитным полем, что Рыкко обломает о него свой хвост и клыки. И придумал...

А еще раз Рыкко отчаянно расвирипел, когда Минька Порох сложил про него дразнилку (все-таки иногда фантазия у Миньки проявлялась):

Рыкко стукнули кувалдой,
И теперь он – вот беда! —
Стал не Рыкко Аккабалдо,
А простая рык-балда!

Доня Маккейчик тут же сочинил на эти слова музыкальный мотив, и жители астероидов (кроме Сырой Веранды) распевали обидную песенку на все пространства. Рыкко бесновался так, что тряслись созвездия, а несколько астероидов сошли с орбиты и улетели из Пояса. Он орал, что поймает «малолетних преступников и паршивых сочинителей» поодиночке, открутит им головы, ноги и руки и превратит обдчиков в атомную пыль с отрицательными зарядами ядер.

Но поймать Рыкко никого не мог. Все, даже Сырая Веранда, умели делать из скользких магнитных полей невесомые и невидимые скафандры. Эти скафандры были придуманы очень хитро. Они появлялись на «малолетних преступниках» в тот миг, когда Рыкко протягивал к ним лапы (даже если внезапно, через несколько пространств). И добыча ускользала у «носителя Мирового Зла» между пальцев, как сосулька. За это Рыкко обзывал своих противников склизкими лягушатами.

Порой между ребятами и Рыкко велись настоящие бои. Аленка и Веранда в них не участвовали, а мальчишки носились вокруг ревущего «существа-вещества-естества» на управляемых кометах и обстреливали его из рогаток мелкими астероидами. Конечно, большого вреда для Рыкко в этом не было, он ведь не хуже ребят умел строить защитные поля. Но порой в таких полях попадались дырки. Если астероид попадал в дырку, Рыкко ревел и зализывал шишку, а его противники радостными воплями отмечали военный успех.

В отместку Рыкко рушил постройки, которые ребята возводили на астероидах и вокруг (если, конечно они забывали про защитное поле или делали его слабым). Насылал полчища кусачих оранжевых комаров (которые, впрочем, не могли прокусить скользкие скафандры). Подслушивал разговоры и вставлял ехидные замечания.

Минька сперва опасался: не уничтожит ли Рыкко «Венерин башмачок»? Ведь не будешь все время держать планету в защитном коконе! Но скоро стало ясно: повредить настоящей, непридуманной траве Рыкко не может.

Случалось, что Рыкко Аккабалдо был настроен мирно. Иногда он даже снисходил до бесед с «этими бестолковыми лягушатами». С Голованом он рассуждал иногда о строении Великого Кристалла Вселенной, о хитростях потока Времени и о загадках плоских пространств, где «третий вектор равен нулю, но искривленность плоскостей такова, что выше всякой фантазии и создает эффект многомерности...»

А один раз они заговорили про Абсолютное Ничто. Рыкко сидел в гигантском каменном кресле, которое вращалось в гуще созвездий. Он развалился, закинул сотню левых ног на сотню правых и снисходительно вещал:

– Так и быть, открою вам, головастики, одну из великих тайн Мироздания. Абсолютное Ничто – это всего лишь выдумка древних мудрецов, которые любили заниматься бесконечными рассуждениями о всякой ерунде и высасывать свои идеи из пальца... Ну, скажите на милость: что такое это *Абсолютное Ничто* по вашему разумению?

– Наверно, это абсолютно черная пустота, – подал голос Доня Маккейчик.

– Ха! Ха! Ха! Если вы эту черноту видите и представляете, значит, она *есть*. Значит, она уже не *Ничто*! В том-то и дело! *Ничто* – это когда *нигде ничего* нет. Даже черноты и пустоты! А кто может увидеть это и доказать?

– Ну, кто-нибудь. Не все ли равно? – неуверенно сказал Голован.

– Опять ха-ха-ха! Если есть «кто-нибудь», значит, понятие «Абсолютное Ничто» абсурдно. Как же оно «абсолютное», как «ничто», если в нем кто-то или что-то есть? А?.. Вот поэтому я и покинул то дурацкое пространство Черных Пирамид. Какой смысл караулить дыру, в которой будто бы есть то, чего на самом деле нет!

– Про Ничто вообще бессмысленно говорить «есть» или «нет», – вставил свое суждение Голован.

– Тем более! Это ты верно заметил, – одобрительно закричал в кресле-астероиде Рыкко. – Я вижу, как в кое-ком из вас появляются признаки некоторого здравомыслия. Беседуйте со мной почаще, и, может быть, постигнете кое какие закономерности Мироздания. Если я, конечно, до той поры (ха-ха!) вас не сожру...

Все развеселились и стали наперебой разъяснять Рыкко, что сожрать их невозможно. Пусть попробует схватить!

– А я не буду хватать! Проглочу на лету!

Опять смех. Ну, проглотит! Ну, посидят они внутри у «черного и многолапного». Противно, конечно, да уж как-нибудь выдержат в своих спецскафандрах. А потом придумают «дыробитную машину» и вырвутся наружу. А Рыкко будет заштукатуривать в своем пузе пробоины, сделанные изнутри.

Рыкко Аккабалдо кончиком хвоста почесал пузо, сказал «ну вас» и улетел за созвездие «Два Кота». А каменное кресло его чуть не обрушилось на планету Сырой Веранды (вот опять слез-то было бы!). К счастью, Голован успел разнести эту «мебель» в пыль из придуманной в одну секунду ракетной катапульты...

6.

Коптилка вернулся от Рыкко довольно быстро. Слегка потрепанный и с частым дыханием. Шумно приземлился перед Минькиной голубятней. Он был в одной сандали. Вторая прилетела следом и стукнула Коптилку по спине. Он оглянулся и погрозил в пространство кулаком.

– Ну? – сказал Голован.

– «Ну», «ну»! Рога бараньи гну... – Коптилка с сопением надел сандалию. – Он даже слушать не стал. Заорал сразу: «Нужны мне ваши извинения как клизма с жидким азотом! Мошкара сопливая! Все равно вы мне когда-нибудь попадетесь! Я теперь объявляю вам войну на веки-вечные, без всяких перемирий!» И на меня! Лапы растопырил... А скафандр-то не работает...

– Подумаешь, «без перемирий» он объявляет, – хмыкнула Веранда.

– Ну и фиг с ним, – сказал Минька Порох.

– Я вам говорил, что бесполезны эти дурацкие извинения, – хмуро напомнил Коптилка. Хотя и не говорил такого.

– Все-таки ты хорошо сделал, что попытался извиниться, – успокоил его Кириллка. – Теперь уже не мы виноваты, а он.

– Да, – решил Голован. – Мы изменили ситуацию в свою пользу.

Коптилка подергал на груди галстучек, надул щеки и превратил белую рубашку в привычную замызганную майку... но... глянул на Аленку и сердито превратил майку обратно.

Голован зевнул:

– Скоро уже спать пора.

Конечно, здесь не было дня и ночи в привычном понимании. Но ложиться спать и просыпаться все старались в одно время. Потому что трудно существовать совсем без всяких правил.

Аленка подошла сбоку к насупленному Коптилке и шепотом попросила:

– Валерик, ты не мог бы дать мне твоего жирафа? Я вечером поиграю, а утром отдам...

В прошлом рассказе про Коптилку – как он появился на астероидах – оказалась пропущена одна деталь. Дело в том, что Коптилка убежал от мужиков в камуфляже не из-за пустого страха. Он боялся, что отберут игрушку, скажут: «Ты ее украл!»

А он ее нашел!

На свалке, кроме строительного мусора, хватало всякого другого барахла – поломаной мебели, битой посуды, рваных матрасов и тряпья. И вот среди автомобильных покрышек и лопнувших цветочных горшков Коптилка увидел старую, местами порванную тряпичную игрушку.

Это был жираф. Туловище размером с кошку, а шея длиннющая, и на шее головка – улыбчивая и симпатичная, как у добродушной козы. С круглыми кожаными ушами и синими глазами-пуговками. Были еще рожки из деревянных палочек и деревянные же копытца.

Вообще-то жирафы пятнистые, но этот оказался полосатый, сине-белый. Наверно, из старой тельняшки. Скорее всего, его сшили девчонки, что занимались в кружке мягкой игрушки, в детском клубе «Ласточка». Недавно клуб закрыли, всякое старое имущество отправили на ближнюю свалку. Видимо, этим путем сюда и попал истрепанный, никому не нужный жирафёнок.

У Коптилки сроду не было своих игрушек. В интернатах и детприемниках они ведь общие. А тут – вон какой подарок! И Коптилка сразу решил, что назовет полосатого жирафчика Аликом – в память о теткинском одноухом коте, к которому он, Коптилка, успел привязаться, но который несколько дней назад исчез из дома...

Шея у жирафа болталась, и Коптилка вставил в нее алюминиевую проволоку, которую подобрал тут же. Так он и стоял с Аликом на руках – туловище на груди, шея на плече, жирафья головка тыкается губами в ухо – когда парни с дубинками окликнули его. Окликнули – и он побежал... И оказался здесь вместе со своей единственной в жизни игрушкой.

...Жители астероидов могли придумать любые игрушки. Говорящих роботов, веселых бородатых гномов, конструкторы с хитроумными деталями, ковбоев со старинными револьверами, ласковых плюшевых котов и мишек, шахматы с шагающими фигурами, механических лошадей в натуральную величину, которых можно запрягать в золоченные кареты... Ну, короче говоря, всё, что угодно. Живые существа не получались, а игрушки – сколько хотите! И они не исчезали, это ведь не стебельки и листики...

Но вот беда – развлечения с такими игрушками быстро надоедали.

А потрепанный жирафчик Алик, неумело заштопанный Коптилкой, не надоедал. Он был *настоящий*. Он был *оттуда*. Тот, кто оставался с Аликом один на один, порой прижимал его к груди и что-то шептал в маленькие уши, сделанные из кожаных язычков от кроссовок. Это, когда Коптилка разрешал другим поиграть со своим жирафом. Все любили такие игры, в том числе и серьезный, знакомый со всякими науками Голован. Но Коптилка даже на короткое время отдавал Алика неохотно.

Вот и сейчас он в ответ на Аленкину просьбу насупился:

– Чего тебе приспичило именно сегодня? Потом как-нибудь...

Он уже представлял, как уляжется с Аликом в своем кирпичном жилище на подстилке из свежего сена (хотя и придуманного, но пахучего, почти настоящего – до утра его хватит) и будет рассказывать полосатому другу... Ну, что рассказывать, это тайна... А кроме того, Коптилка вдруг забоялся: даст он жирафа Аленке, а другие поймут – он относится к ней не так, как к другим. А он что?.. Подумаешь, сделала для него рубашку с галстучком! Он бы и сам смог, если бы захотел.

Аленка молча отошла. Она была тихая, но с самолюбием. Раньше она занималась в балетной студии, но бросила ее, потому что обиделась на даму-педагога, на бывшую балерину из областного театра. Та однажды во время занятий сказала Аленке:

– Девочка, у тебя есть кое-какие способности, но маловато темперамента. Надо двигаться, двигаться!.. – и хлопнула Аленку между лопаток. В общем-то дело обычное, но Аленка села на скамейку и стала развязывать тесемки балетных туфель.

– Я от вас ухожу...

– Ах, какие мы гордые! По-моему, ты просто лентяйка. А балет – это труд, труд и еще раз труд!

– Ну и трудитесь. А я раздумала быть балериной.

– И кем же ты будешь?

– Домохозяйкой, – буркнула Аленка и пошла в раздевалку. Там она услышала, как бывшая актриса балета сказала помощнице: «Ну и пусть. А то представляете, сколько грима пришлось бы изводить перед каждым спектаклем». Эта дама, конечно же, намекала на Аленкины веснушки. Про таких, как Аленка, говорят: «Загорала сквозь решето». А еще правильнее сказать «сквозь тёрку». Аленкины веснушки сидели на лице равномерно, однако не очень часто. Были небольшие и одинаково круглые. Ничуть они Аленкин портрет не портили, она была симпатичная.

Она попала сюда с самолета, когда возвращалась из Симферополя, где гостила у родственников. Летела одна, вернее, со случайными знакомыми. Самолет грохнулся в километре от посадочной полосы. Что стало с другими пассажирами, Аленка не знала, а сама – вот, здесь...

С той поры в астероидной компании оказались две девочки. Вторая – Сырая Веранда. Так ее прозвали за то, что глаза всегда мокрые и красные. Кто-нибудь скажет ей что-то не по душе – и сразу сырость. Вот такой характер. Смеялась она редко, а дулась почти все время.

Была Веранда длинная, носатая, с жидкими пепельными косами и тощей шеей. Все платья, которые она себе придумывала, висели на ней наперекосяк. Она подолгу сидела одна-одинешенька в своем каменном домике на рыжей от космической пыли планетке. И ничего не придумывала для украшения жилища.

Даже когда Доня и Голован предложили соединить все астероиды хрустальными мостами и пустить по ним старинную железную дорогу с медным паровозом и разноцветными вагонами, Сырая Веранда от такого соединения отказалась, буркнула:

– Вот еще... – И глаза ее намокли.

– Что за натура, – говорил иногда Голован.

А справедливый Кириллка Веранду оправдывал:

– Каждый ведь имеет право на свой характер. Пусть...

Конечно, Сырой Верандой и даже просто Верандой звали ее за глаза. Вообще-то она была Вероника Донцова. Про ее прежнюю жизнь известно было немного. Дело в том, что Вероника попала сюда первая. Потом уже – Голован. Он с трудом дознался у длинной плаксивой девочки, что был у нее неродной отец, на которого она однажды сильно разозлилась. Ушла на кухню, открыла аптечку и назло отчиму и матери выпила что-то такое, от чего врачи спасти ее не смогли...

Аленка с Верандой не очень-то дружили, хотя и не ссорились (здесь вообще ссор почти не бывало). Чаще Аленка играла с мальчишками. Веранду это, конечно, огорчало...

7.

Когда Коптилка не дал Аленке жирафа, она не стала просить снова. К ней сразу подошел Доня.

– Давай, я поучу тебя играть на аккордеоне. Ты ведь хотела.

– Давай, – кивнула она.

Они перепрыгнули на Донину планету, где стоял домик, похожий на полукруглую садовую эстраду. Доня принес аккордеон. Инструмент был придуманный, но в точности как настоящий. Доня был в белых брюках и белой рубашке с зеленой «бабочкой» в горошек. А что, не таскать же ему вечно на себе больничную пижаму, в которой он попал сюда!

Сели на каменную скамью со спинкой в виде разлапистой лиры (это такой древний музыкальный инструмент). Белые мохнатые созвездия над головами светили так, что от них веяло теплом. Но Доня взглянул на них с неудовольствием. Наморщил лоб и сотворил над своей планеткой небесную голубизну – почти как у Миньки. Потом рассеял в ней вечернюю желтоватость, а по краю неба пустил закат.

– До чего красиво, – вздохнула Аленка. – Прямо как... – И виновато замолчала.

Доня сделал вид, что ничего не заметил. Сотворил из кусочка заката оранжевое полотенце.

– Накрой ноги, а то меха будут щипать за колени.

– Спасибо...

Скоро (здесь все бывает скоро, если хочется) Аленка уже вполне освоила инструмент. И умело заиграла вальс «Амурские волны». Сквозь вечерний небосвод осторожно просунулись головы. Даже Рыкко Аккабалдо перестал сопеть в пространствах, тоже слушал.

Потом сквозь закат полностью пролез Коптилка с жирафом на руках.

– На, держи... Лучше уж играй с ним, чем на этой скрипучей шарманке. – Повертел головой и объяснил всем: – А то ведь никак не уснуть от такого концерта.

– Спасибо, Валерик! – Аленка быстро отдала аккордеон Доне и прижала Алика. Потерла его мордочкой свои щеки и губы.

На Коптилку никто не обиделся за слова про «скрипучую шарманку». Знали, что это он от смущенья. Аккордеон же был совсем не скрипучий, и музыка хорошая. И Доня продолжил концерт. Заиграл вступление к старому фильму «Дети капитана Гранта». Конечно, это было не по правилам: такая музыка (как и «Амурские волны») была *напоминанием*. Но куда денешься? Ведь совсем без музыки нельзя, а новую, здешнюю, Доня еще не придумал. Бывало, он что-то сочинял, но до сих пор получалось у него *как раньше*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.